5.6.1. Отечественная история

Научная статья
УДК 365:332.83(470)"1957/1965"

МАССОВОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РСФСР В 1957–1965 ГГ. КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ОЦЕНКА ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ

Янкович Павел Викторович, кандидат исторических наук, Смоленский государственный университет, Россия, Смоленск, iankovich_pavel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу массового жилищного строительства в РСФСР в 1957–1965 гг. как самостоятельного направления государственной социальной политики и оценке его результатов. Актуальность темы обусловлена тем, что современная историография пополнилась в 2025-2026 гг. региональными и историографическими работами, которые пока не сведены в целостную картину применительно к территории РСФСР. Целью статьи стало сопоставление нормативно-целевых установок жилищной кампании с фактической динамикой ввода жилья и с способом его распределения на материалах Москвы, Куйбышева, Дальнего Востока и Новосибирска. Использовались историко-сравнительный и историко-генетический методы, а также анализ количественных показателей ввода жилья. Было установлено, что постановление 1957 г. и Программа партии 1961 г. определили количественно измеримые ориентиры, которые были выполнены и даже перевыполнены по вводу квадратных метров, но сопровождались снижением потребительских качеств жилища и сохранением ведомственно-иерархического способа его распределения. Переход к пятиэтажному панельному домостроению стал технологической основой кампании, а очереди на жилье и региональные диспропорции обеспеченности сохранялись на всем протяжении рассматриваемого периода. Сформулирован вывод о количественном успехе

государственной социальной политики при сохранении ограничений советской раздаточной модели обеспечения жильем.

Ключевые слова: массовое жилищное строительство, РСФСР, государственная социальная политика, типовое проектирование, крупнопанельное домостроение, жилищная очередь, «хрущевки».

Original article

MASS HOUSING CONSTRUCTION IN THE RSFSR IN 1957–1965 AS A DIRECTION OF STATE SOCIAL POLICY AND AN ASSESSMENT OF ITS RESULTS

Iankovich Pavel Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Smolensk State University, Smolensk, Russia, iankovich_pavel@yandex.ru

Abstract. The article examines mass housing construction in the RSFSR in 1957–1965 as an independent direction of state social policy and assesses its outcomes. The topic's relevance stems from a substantial body of regional and historiographical studies published in 2025–2026 that has not yet been synthesized into a coherent picture specific to the RSFSR. The goal was to compare the campaign's normative and target guidelines with the actual dynamics of housing completions and with the mechanism of its distribution, using material from Moscow, Kuibyshev, the Far East and Novosibirsk. The historical-comparative and historical-genetic methods were applied, together with an analysis of quantitative housing-completion indicators. The 1957 resolution and the 1961 Party Programme are shown to have set measurable targets that were largely met and even exceeded in terms of square metres commissioned, though this was accompanied by a decline in the consumer quality of individual dwellings and by the persistence of a departmental, hierarchical distribution mechanism. The transition to five-storey panel construction is demonstrated to have been the campaign's technological foundation, while housing queues and regional disparities in provision persisted throughout the period. The article concludes that the

campaign's results were dual in nature: a quantitative success of state social policy combined with the survival of the structural constraints of the Soviet «distributive» housing model.

Keywords: mass housing construction, RSFSR, state social policy, standard design, large-panel housing construction, housing waiting list, khrushchevka.

Введение. Жилищный вопрос оставался одной из наиболее острых социальных проблем советского общества на протяжении почти всей его истории, но во второй половине 1950-х годов государство впервые попыталось решить его масштабной и количественно измеримой программой. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» и принятая четырьмя годами позже Программа партии обозначили жилищное строительство самостоятельным направлением государственной социальной политики. Обращение к рассматриваемому периоду сохраняет значение и сегодня, когда вопросы доступности жилья и соотношения количества и качества вводимых квадратных метров вновь оказались в центре общественной дискуссии, а исторический опыт массового индустриального домостроения используется аргументом в спорах о путях решения жилищной проблемы.

РСФСР как крупнейшая по территории и численности населения союзная республика являлась самой масштабной строительной площадкой страны и полигоном, на котором отрабатывались организационные и технологические решения, которые впоследствии распространялись на другие регионы Советского Союза. Вместе с тем имеющаяся историография массового жилищного строительства построена на материалах отдельных городов или отраслей, например Москвы, Дальнего Востока или авиационной промышленности Куйбышева, а обобщающая картина применительно к РСФСР как административно-территориальному целому встречается редко.

Целью статьи является анализ массового жилищного строительства в РСФСР в 1957–1965 гг. как направления государственной социальной политики и оценка его результатов. Для достижения цели решались следующие задачи:

1) рассмотрение нормативно-правовых и целевых оснований жилищной кампании;

2) анализ индустриализации домостроения и перехода к типовому проектированию как технологической базы массового строительства;

3) изучение количественной динамики ввода жилья в РСФСР и ее региональных особенностей;

4) оценка способа распределения нового жилья и его социальных последствий.

Научная новизна исследования состоит в сведении разрозненных региональных и отраслевых данных, в том числе по Москве, Дальнему Востоку, Куйбышевской области и Новосибирску, в единую сравнительную рамку применительно к территории РСФСР, а также в сопоставлении декларированных Программой партии целей с фактически достигнутыми результатами кампании.

Обзор литературы. Первые обобщающие работы о жилищной политике «великого десятилетия» были опубликованы современниками событий. Обзорная статья, которая вышла в год завершения рассматриваемого периода, отразила статистику ввода жилья по трем этапам советской истории и связала «индустриальную революцию» в домостроении с победой механизированного способа производства жилищ [16, с. 63]. Работа А. Е. Харитоновой сохраняет значение источника, поскольку опирается на данные официальной статистики, которые не подвергались позднейшим переоценкам.

Советская историография первого этапа (1953–1964 гг.), как показывает современный историографический анализ, отличалась партийно-идеологическим характером. Подавляющая часть публикаций одобряла деятельность ЦК КПСС в решении жилищной проблемы и оставляла вне научного анализа причины сохранявшегося дефицита [9, с. 30]. После отставки

Н.С. Хрущева в 1964 г. наступил второй историографический этап, для которого было характерно почти полное забвение позитивных результатов реформы. Начиная со второй половины 1980-х годов жилищная политика вновь стала рассматриваться частью единого комплекса социально-экономической стратегии государства [8, с. 140].

Отдельное направление современной историографии образуют диссертационные исследования, которые посвящены истории жилищного строительства на материалах регионов РСФСР, в том числе Дальнего Востока, Кузбасса, Бурятии, Татарстана, Горьковской области и Краснодарского края. Обзор диссертационного корпуса работ показывает, что при разнообразии авторских периодизаций (наиболее детальная из них выделяет применительно к Кубани отдельный этап 1957–1964 гг., который совпадает с хронологией настоящего исследования) история жилищного строительства на материалах большинства субъектов федерации остается неизученной, а роль общественных организаций и социалистическое кредитование индивидуальных застройщиков разработаны слабо [15, с. 31]. В диссертационных работах жилищное строительство рассматривается направлением государственной социальной политики, что подтверждает обоснованность заявленного в настоящей статье ракурса [15, с. 30].

Значительный комплекс литературы составляют работы по отдельным аспектам кампании, например, типовому проектированию, переходу к пятиэтажному строительству, региональным практикам индустриализации домостроения. Их содержание используется в разделе «Результаты» настоящей статьи. Особое место в историографии занимает теоретическая концепция, согласно которой советское жилищное обеспечение представляло собой «раздаток», т.е. систему, в которой распределение жилья не подчинено платежеспособному спросу, а соответствует иерархическому положению получателя [1, с. 90]. Сформулированная в начале 1990-х годов концепция

сохраняет объяснительную силу и используется в настоящей статье как теоретическая рамка для интерпретации способа распределения нового жилья.

Зарубежная историография рассматривает хрущевскую жилищную кампанию через призму администрирования и повседневных практик получения жилья. Детально изученным сюжетом стало формирование очередей на жилье как особенного института, в котором критерии нуждаемости сочетались с неформальной иерархией доступа [17, с. 3]. Сравнительное исследование советского массового жилья за пределами Москвы и Ленинграда показывает, что даже спустя десятилетия после распада СССР типовая застройка 1950–1980-х годов продолжает определять облик большинства российских городов и вызывает противоречивые оценки со стороны жителей и архитектурного сообщества [18, с. 1172]. Сопоставимые процессы жилищной модернизации 1950–1960-х годов рассматриваются исследователями и на материалах других союзных республик, что позволяет увидеть в РСФСР частный случай общесоюзной социальной политики [7, с. 191].

Несмотря на обилие современных работ, большинство из них построено на материале одного города, отрасли или республики. Настоящая статья опирается на их данные, но пытается свести региональные и отраслевые случаи в общую картину применительно к РСФСР как административно-территориальному целому.

Методы исследования. В работе применялся историко-сравнительный метод, который позволил сопоставить организацию и результаты жилищного строительства в разных городах и регионах РСФСР, а именно Москве, Куйбышеве, на Дальнем Востоке. Использовался историко-генетический метод для прослеживания эволюции жилищной политики от постановления 1957 г. до Программы партии 1961 г. и промежуточных итогов к 1965 г. Количественные показатели ввода жилья, выполнения плановых заданий и структуры финансирования обрабатывались методом статистического анализа с

последующим сопоставлением региональных данных между собой, а также с общесоюзными и общереспубликанскими показателями.

Источниковую базу составили опубликованные архивные документы, которые вводятся в научный оборот в цитируемых работах 2024–2026 гг., текст постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. и раздел Программы КПСС 1961 г., который посвящен разрешению жилищной проблемы, а также статистические данные, которые приводятся в специальной литературе по истории строительной отрасли. При работе с региональными показателями проводилась их сверка с общесоюзными и общереспубликанскими цифрами, которые приведены в специальных периодизационных и статистических работах [11] и [16], что позволило снизить риск использования несопоставимых данных.

Отдельным методическим приемом стало сопоставление программных целей, которые отмечены в нормативных актах 1957 и 1961 гг., с фактически достигнутыми показателями, которые приводятся в современной историографии. Сопоставление составляет основу раздела «Обсуждение».

Результаты. ***Нормативные основания и целевые показатели жилищной кампании.*** Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» было принято 31 июля 1957 г. и стало первым документом, который определил количественно измеримый план. В преамбуле постановления констатировалось, что за 1946–1956 гг. в городах и рабочих поселках было построено и восстановлено жилых домов общей площадью около 300 млн кв. м, что более чем в полтора раза превышало городской жилищный фонд дореволюционной России, а московские строители брали на себя обязательство построить и сдать в эксплуатацию в 1957 г. 1 млн 800 тыс. кв. м новой площади [12, с. 194]. Несмотря на успехи, документ признавал, что «проблема жилья все еще продолжает оставаться одной из самых острых», а темпы промышленного строительства опережали жилищное.

Постановляющая часть документа устанавливала объем государственного жилищного строительства на 1956–1960 гг. в размере 215 млн кв. м общей

площади, против 205 млн кв. м, которые были предусмотрены директивами XX съезда партии, с разбивкой по годам: 1957 г. – 34 млн, 1958 г. – 42 млн, 1959 г. – 51 млн и 1960 г. – 60 млн кв. м [12, с. 198]. Отдельно увеличивался план индивидуального строительства с 84 до 113 млн кв. м за счет средств населения и государственного кредита, а задача формулировалась следующим образом: «в ближайшие 10–12 лет покончить в стране с недостатком в жилищах» [12, с. 198].

Четыре года спустя, на XXII съезде партии, поставленная задача получила более отдаленное во времени, но радикальное по содержанию продолжение. Принятая в 1961 г. Программа КПСС в разделе «Разрешение жилищной проблемы и благоустройство быта» обещала, что «в течение первого десятилетия в стране будет покончено с недостатком в жилищах», а «в итоге второго десятилетия каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта» [13, с. 219]. Если постановление 1957 г. определило количественные ориентиры по вводу квадратных метров, то Программа партии перевела жилищный вопрос в плоскость социального обязательства государства перед каждой семьей, т.е. обязательства, исполнение которого подлежит проверке на материале следующего десятилетия.

Логика «программного постановления», которое намечало средства для реализации крупномасштабной жилищной программы, была отражена и в специальной литературе того времени как исходная точка управленческих изменений в жилищной сфере, т.е. увеличение капиталовложений, создание индустриальной базы домостроения, стимулирование кооперативного, индивидуального и хозяйственного строительства предприятий, повсеместное внедрение типовых проектов рассматривались основными мероприятиями начального этапа кампании [1, с. 85]. Государственная форма обеспечения населения жильем, которая юридически и организационно оформлялась в сталинский период, получила во времена Н.С. Хрущева свое технологическое

воплощение и окончательно закрепилась основным каналом распределения жилой площади в стране [1, с. 86].

Индустриализация домостроения и переход к типовому проектированию. Технологической предпосылкой массового строительства стал отказ от индивидуального проектирования в пользу типовых серий. Еще до постановления 1957 г. в Москве работало около 360 проектных учреждений, каждое из которых вело собственное и не унифицированное проектирование [6, с. 67]. Первый секретарь Московского обкома партии на собрании избирателей в 1950 г. требовал от проектировщиков разработать стандарты на типовые секции жилых домов, а годом позже в столице было образовано специальное архитектурно-конструкторское бюро, которое приступило к разработке типовых проектов пятиэтажных домов, больниц и школ [6, с. 68].

Переход к пятиэтажной застройке без лифтов был вызван идеологическими и инженерно-экономическими соображениями. Серийное производство лифтов на Карачаровском механическом заводе началось в 1957 г., а при снижении высоты этажа подъем на пятый этаж не превышал 12,5 м, что делало отказ от лифтового хозяйства технически обоснованным и позволяло направить металл на другие нужды строительства. Н.С. Хрущев объяснял выбор в пользу пятиэтажной застройки без лифта соображениями экономии и отмечал на заседании Президиума ЦК КПСС в июне 1961 г.: «Я, товарищи, считаю, что, видимо, надо, как правило, остаться на старых позициях, строить в пять этажей. Это абсолютно правильно, и это доказывает самое рациональное и дешевое строительство…» [5, с. 60]. Первые серии типовых проектов крупноблочных и крупнопанельных жилых домов были утверждены в 1957–1959 гг. [4, с. 40], а архитектор И.В. Жолтовский формулировал в те же годы принцип, который стал программным для эпохи типового домостроения: «Массовое, типовое может и должно быть прекрасным, но для этого нужны хорошие проекты, в которых должно быть преодолено однообразие» [4, с. 40]. Новые строительные нормы и правила «Жилые здания» были утверждены Госстроем СССР 31 декабря 1957 г.

и введены в действие с 1 марта 1958 г., чем закрепили переход от покомнатного «коммунального» заселения к посемейному [4, с. 42].

Технологический эффект типизации проявился быстро. Пятиэтажный четырехсекционный дом на 80 квартир к началу 1960-х годов монтировался бригадами за 52 дня, а через 100 дней ключи вручались новоселам [4, с. 44]. К 1961 г. в Москве уже имелась материально-техническая база, которая позволяла полностью отказаться от штучного кирпича, а к 1966 г. свыше 90% жилых зданий в городах страны возводилось по типовым проектам [4, с. 46]. Близкий показатель отмечала и специальная статистика строительной отрасли, согласно которой 95% жилищ в 1963 г. возводилось по типовым проектам, которые вели уже 228 крупных проектных институтов [16, с. 59].

Региональный материал показывает, что унификация технологии происходила и за пределами столицы, хотя и с определенным временным лагом. На Дальнем Востоке производство сборного железобетона появилось в 1955–1956 гг. в краевых центрах и средних городах, таких как Уссурийск, Спасск-Дальний и Советская Гавань. К началу 1960-х годов в Приморском крае производилось 246 тыс. куб. м железобетона, а в Хабаровском крае производилось 250 тыс. куб. м [3, с. 172]. Первый жилой массив, который был построен по принципу микрорайонной застройки, появился во Владивостоке в 1958 г. на улице Спортивной и состоял из девяти типовых домов на 480 квартир [3, с. 175]. К середине 1960-х годов в Хабаровском крае по типовым проектам возводилось до 90% жилых домов, что стало практически идентично общесоюзному показателю. [3, с. 174]. Схожим образом развивалось крупнопанельное домостроение и в других отраслях. В Министерстве авиационной промышленности с середины 1950-х годов доля типовых 4–5-этажных каменных зданий вытесняла сборно-щитовые постройки начала десятилетия [14, с. 104].

Технология крупнопанельного домостроения, которая стала символом эпохи, не была только советским изобретением. Ретроспективный анализ

показывает практически синхронное развитие индустриального домостроения в Европе, где первые полносборные крупнопанельные здания появились во Франции по программе «4000 Logements de la Région Parisienne», которая была начата в 1949 г. [2, с. 131]. Советское руководство внимательно изучало зарубежный опыт и в 1956 г. договорилось о строительстве в Баку и Ташкенте заводов французской фирмы «Камю» для производства крупноразмерных панелей.

Динамика ввода жилья и региональные различия. Историческая периодизация относит 1956–1975 гг. к четвертому этапу развития жилищного строительства в РСФСР, который характеризуется переходом к массовому строительству типовых домов для поквартирного расселения семей [11, с. 157]. Среднегодовые объемы ввода жилья выросли в шестую пятилетку (1956–1960 гг.) почти вдвое по сравнению с 1951–1955 гг., т.е. до 56,2 млн кв. м, и сохранялись на уровне вплоть до начала 1970-х годов. РСФСР стабильно превосходила общесоюзный показатель ввода жилья на душу населения, в среднем на 4%, и уступала по интенсивности строительства только Казахской и Армянской союзным республикам [11, с. 157].

Официальная статистика, которая отражена современником событий А. Е. Харитоновой в 1965 г., дает сопоставимую, хотя и построенную по иной методике картину. За третий выделяемый ею этап (1956–1963 гг.) в СССР государственными, кооперативными предприятиями и городским населением было построено и введено в действие 565,8 млн кв. м жилья, т.е. почти столько же, сколько за предыдущие 27 лет советской истории (427,3 млн кв. м за 1929–1955 гг.). Среднегодовые темпы прироста жилой площади выросли почти вчетверо по сравнению со вторым этапом [16, с. 62]. На 1965 год планировалось построить жилые дома общей площадью 84 млн кв. м против 73,6 млн, которые были возведены годом ранее: «объем жилищного строительства в 1965 году будет больше, чем в любой предшествующий год», как констатировалось на пятой сессии Верховного Совета СССР [16, с. 63].

За имеющимися агрегированными цифрами скрывались региональные различия. В Куйбышеве, крупном центре авиационной промышленности, завод № 24 имени М.В. Фрунзе, который испытывал острую нехватку жилья еще в конце 1940-х годов, к середине 1950-х годов нарастил темпы строительства. План 1956 г. был выполнен на 134%, а план 1957 г. выполнен уже на 160%, причем 70% сдаваемых площадей получали оценку «хорошо» [14, с. 104]. За шестую пятилетку в целом заводом было введено рекордное для последующих лет количество полезной жилой площади, а именно 145 158 кв. м, а число новоселов выросло в 2,5 раза [14, с. 105]. На Дальнем Востоке облицовочный кирпич, который позволял на 50% сократить затраты на фасадные работы, начал применяться с 1958 г. [3, с. 173], а к середине 1960-х годов регион фактически вышел на общесоюзный уровень индустриализации домостроения.

Даже ведомство с наибольшими административными рычагами, которым было Министерство обороны СССР, не могло обеспечить себе долю жилья, которая бы соответствовала установленным 10% от всего вводимого в стране жилищного фонда. Во исполнение постановления от 6 марта 1958 г. министерство в 1958–1960 гг. построило и получило от местных Советов в общей сложности 5,7 млн кв. м, чем обеспечило жильем 251 тыс. семей военнослужащих [10, с. 83]. Тем не менее уже к февралю 1962 г. число нуждавшихся в жилой площади офицеров и сверхсрочнослужащих составляло 327 тыс. семей, из которых 175 тыс. вовсе не имели квартир [10, с. 83], а к апрелю 1964 г., несмотря на выделение министерству дополнительных 800 тыс. кв. м жилья, показатель нуждаемости снизился только до 200 тыс. семей [10, с. 85]. Пример Министерства обороны СССР показывает, что даже при закрепленной квоте распределения ведомственные и территориальные интересы перевешивали ее, и Н.С. Хрущев не случайно с гордостью констатировал позднее в своих воспоминаниях: «По метражу нового строительства мы тогда ошеломили мир. Ни одна страна не возводила столько жилья, сколько мы. Это признание было

сделано мировой печатью…» [10, с. 81]. Но масштаб кампании не отменял неравномерности ее результатов для отдельных социальных групп и территорий.

Схожая картина различий между регионами, но уже в масштабе всего Советского Союза, отмечается и в сравнительной историографии. По обеспеченности городского населения жильем на протяжении 1960–1980-х годов РСФСР и Белорусская ССР находились на среднесоюзном уровне, Прибалтика превышала его на 25%, а республики Средней Азии и Закавказья заметно отставали [7, с. 196]. По сводному показателю числа введенных жилищных единиц рубеж 1950–1960-х годов, а не более поздние десятилетия, оказался рекордным для советской и постсоветской истории страны. В 1959 г. было введено 1,62 млн новых квартир и домов, а в 1960 г. введено 1,55 млн, и данный показатель советская, а затем и российская строительная отрасль сумела превзойти лишь в 2020-е годы [11, с. 161].

Способ распределения жилья и его социальные результаты. Рост объемов строительства не решал вопроса о том, кто и в каком порядке получал новое жилье. Советская модель обеспечения жильем отличалась от рыночной. Распределение осуществлялось путем бесплатной «раздачи» в порядке очереди, а формирующие ее институты, т.е. отделы капитального строительства при местных Советах, начали создаваться с 1957 г. как альтернативный ведомственному центр распределения [1, с. 90]. Внутри системы сохранялась иерархия. Жилье распределялось в конечном счете по положению получателя в производственной или административной структуре, а не по объективной нуждаемости. «На ведомственном жилищном квази-рынке» позиция определялась не платежеспособностью, а статусом [1, с. 92].

Детальное исследование практики управления очередями на квартиры в Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, который вошел в хрущевскую жилищную кампанию, показывает, что за едиными критериями нуждаемости скрывались региональные иерархии власти и представления о том, кто «заслуживает» помощи в первую очередь. Представляет исследовательский

интерес история пожилой многолетней участницы партии, которая с 1956 г. проживала в ванной комнате коммунальной квартиры. Соседи были вынуждены обратиться в местную газету, чтобы обратить внимание властей на ее положение [17, с. 1]. В масштабе всей страны кампания дала беспрецедентный результат. С 1956 по 1965 гг. в СССР было построено 964,7 млн кв. м жилья, возведено 38 млн новых квартир, и около 65 млн советских семей, т.е. значительная часть населения страны почувствовали улучшение жилищных условий [17, с. 2]. Новосибирск за 1954–1964 гг. увеличил жилую площадь более чем вдвое, с 4,5 до 9,3 млн кв. м, и вошел в пятерку советских городов по числу построенных в 1963 г. квартир [17, с. 3].

Оборотной стороной ускоренного строительства стало снижение потребительских качеств жилья. Площади квартир были минимизированы. Однокомнатная квартира в московской пятиэтажке первых серий давалась на 2–3 человека при площади 33–34 кв. м, трехкомнатная выдавалась на 5–7 человек при 48–50 кв. м [4, с. 44]. Высота потолков в квартирах типовых пятиэтажек составляла всего 2,5 м. Для десятков миллионов горожан, которые еще недавно ютились в подвалах, бараках и коммунальных квартирах, переезд в отдельную квартиру означал качественное изменение образа жизни. Полученный вывод справедлив и для регионов за пределами РСФСР, где жилищная кампания также рассматривалась инструментом социальной модернизации и интеграции населения в советскую систему [7, с. 191]. Даже отдаленные последствия кампании продолжают оставаться предметом научной рефлексии. Типовая застройка микрорайонов 1950–1980-х годов и сегодня формирует облик значительной части российских городов и вызывает противоречивые общественные оценки, от ностальгии архитектурного сообщества до практики массового сноса устаревшего жилого фонда [18, с. 1180].

«Перестроечная» историография справедливо усматривала в двойственном результате закономерность. Жилищная политика хрущевского времени способствовала переселению из подвалов, бараков и коммунальных квартир

почти 55 млн советских граждан в относительно благоустроенное, но малогабаритное и невысокого потребительского качества жилье [8, с. 141]. Государство, когда закрепляло строительную практику постановлениями второй половины 1950-х годов, признавало, что справиться с жилищным дефицитом за счет централизованного распределения без опоры на индустриальные и максимально удешевленные методы строительства оно не может, и при увеличении объема раздачи, государство закладывало основания для сохранения многих проблем распределительной модели вплоть до конца советского периода.

Обсуждение полученных результатов. Сопоставление программных целей 1957 и 1961 гг. с достигнутыми показателями позволяет говорить о частичном, но не полном совпадении декларируемого и реального. Плановое задание постановления 1957 г. по вводу 215 млн кв. м государственного жилья за пятилетие было превзойдено динамикой, которую показывает статистика следующего десятилетия. Среднегодовой ввод жилья в РСФСР вырос почти вдвое уже к концу 1950-х годов и продолжал расти вплоть до середины 1970-х. Обещание Программы партии «покончить с недостатком в жилищах» в течение первого послепрограммного десятилетия в буквальном смысле выполнено не было, что признается и современной историографией, которая отмечает, что жилищная проблема «до конца нигде не была решена в запланированном виде» [15, с. 30]. Интенсивность строительства рубежа 1950–1960-х годов оказалась настолько высокой, что превзошедший ее показатель по числу вводимых квартир советская и российская строительная отрасль смогла достичь вновь только спустя шесть десятилетий.

Следует уточнить историографическую дискуссию о характере хрущевской жилищной реформы. Разделение историографии на партийно-апологетический этап 1950–1960-х годов, критический этап после 1964 г. и переоценивающий этап «перестройки» [9, с. 30] отражает изменение фактической картины и смену политической конъюнктуры, в которой писались соответствующие работы. Материал настоящей статьи скорее подтверждает

вывод, который сложился в постсоветской историографии. Массовое строительство было реальным и статистически подтверждаемым количественным достижением государственной социальной политики, которое с самого начала сопровождалось компромиссами в качестве жилища и справедливости его распределения.

Региональный материал показывает, что компромиссы проявлялись неравномерно. Куйбышевский завод № 24, который обладал статусом стратегического предприятия оборонной промышленности, кратно перевыполнял жилищный план уже в середине 1950-х годов, а удаленные гарнизоны и рабочие поселки получали жилье по остаточному принципу и иногда низкого качества. Даже Министерство обороны СССР, которое обладало правом на 10% всего вводимого жилья, получало от положенной доли только малую часть [10, с. 84], что подтверждает тезис о ведомственно-иерархическом характере распределения жилья в изучаемый период.

Случай Новосибирска, который был изучен на материале городских очередей, подтверждает, что унификация правил распределения жилья не отменяла региональной и часто неформальной логики принятия решений на уровне района и предприятия, что заставляет скорректировать распространенное представление о хрущевской жилищной кампании как об исключительно централизованном и спускаемом сверху проекте. Ее результаты в равной степени формировались на уровне общесоюзных постановлений и на уровне районного жилищного отдела, который распределял квартиры семьям.

Необходимо отметить ограничение проведенного анализа. Используемые в статье региональные и отраслевые данные основаны на архивных документах, которые вводятся в оборот другими исследователями, что создает зависимость от интерпретаций, которые предложены в цитируемых публикациях, и требует осторожности при формулировании обобщающих выводов, особенно применительно к территории РСФСР, статистика по которой в изученных

источниках представлена не полностью и не всегда сопоставима по методике подсчета.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшая работа над темой предполагает несколько направлений. Первое связано с обращением к фондам региональных архивов РСФСР, прежде всего архивов советов депутатов трудящихся и отделов капитального строительства предприятий, для уточнения количественных показателей ввода жилья на материалах отдельных областей и краев, которые пока не стали предметом специальных диссертационных исследований. Второе направление касается гендерного аспекта распределения жилья. Подавляющее большинство служащих жилищных отделов и комиссий составляли женщины, однако гендерная сторона способа распределения остается практически неизученной. Третье направление предполагает более комплексное сравнение практики РСФСР с опытом других союзных республик, например Казахской, Эстонской, Латвийской ССР, что позволило бы точнее определить специфику российского случая внутри общесоюзной жилищной кампании. Заслуживает отдельного изучения и долгосрочное социально-пространственное наследие кампании, а именно то, как типовая застройка 1957–1965 гг. определяет сегодня облик и проблемы российских городов, в том числе вопросы сноса, реновации и переоценки архитектурного наследия эпохи массового индустриального домостроения.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что массовое жилищное строительство в РСФСР в 1957–1965 гг. представляло собой целенаправленное и нормативно оформленное направление государственной социальной политики. Постановление 1957 г. определило количественно измеримые ориентиры по вводу жилья, а Программа партии 1961 г. перевела жилищный вопрос в сферу социального обязательства государства перед каждой советской семьей. Технологической основой кампании стал переход к типовому проектированию и крупнопанельному домостроению, который позволил в кратчайшие

исторические сроки перевести жилищное строительство на индустриальные рельсы практически во всех регионах РСФСР, от Москвы до Дальнего Востока.

Количественные результаты кампании подтверждают ее результативность как направления социальной политики. Среднегодовые объемы ввода жилья в РСФСР к концу 1950-х годов выросли почти вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием, а по абсолютному числу вводимых в строй квартир рубеж 1950–1960-х годов оставался рекордным для страны на протяжении шести последующих десятилетий. Реализация кампании сопровождалась имевшимися ограничениями, в числе которых было снижение потребительских качеств отдельно взятого жилища, сохранение ведомственно-иерархического способа его распределения и заметные региональные и отраслевые диспропорции, которые прослеживаются на материалах Куйбышева, Дальнего Востока, Новосибирска и оборонного ведомства.

Двойственность полученного результата не была случайной. Она была заложена в основе советской модели жилищного обеспечения, где «раздача» жилья по очереди оставалась основным способом удовлетворения жилищной потребности. Поэтому масштабное количественное достижение, а именно десятки миллионов советских граждан, которые были переселены из бараков, подвалов и коммунальных квартир в отдельные квартиры, сочеталось с сохранением очередей, ведомственных привилегий и невысокого качества массового жилища вплоть до конца советского периода.

Оценка результатов массового жилищного строительства в РСФСР в 1957–1965 гг. не может быть сведена к однозначно позитивной или критической. Государственная социальная политика советского периода добилась исторически беспрецедентного количественного результата, но не смогла, да и не ставила перед собой задачи изменить логику распределения создаваемого ею же самой жилищного фонда. Дальнейшее изучение темы, прежде всего на материалах региональных архивов и в сравнении с опытом других союзных республик,

позволит точнее определить место массового жилищного строительства РСФСР в общей структуре советской социальной политики второй половины XX века.

Список литературы

1. Бессонова, О. Э. Жилье: рынок и раздача / О. Э. Бессонова; отв. ред. Т. И. Заславская; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. – 159 с.
2. Верстина, Н. Г. Анализ практики реализации инвестиционно-строительных проектов в условиях применения префаб-технологий в России и мире / Н. Г. Верстина, Ю. В. Никитин // Жилищные стратегии. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 127–140.
3. Власов, С. А. Внедрение достижений науки и техники в строительное производство на Дальнем Востоке в 1950–1960-х гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2025. – Т. 48. – С. 169–178.
4. Горлов, В. Н. Москва пятиэтажная как символ эпохи оттепели // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2025. – № 4 (76). – С. 37–51.
5. Горлов, В. Н. Проблема выбора этажности жилых зданий при переходе к массовому жилищному строительству в СССР в 1950-е годы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – Вып. 2 (855). – С. 55–62.
6. Горлов, В. Н. Типовое проектирование в жилищном строительстве Москвы в 1950–1970-е годы: противоречия между архитектурно-градостроительными и социальными задачами // Гуманитарный вестник. – 2025. – № 2 (112). – С. 65–76.
7. Капаева, А. Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920–1980-е гг.) / А. Капаева, С. Асанова // Gumilyov Journal of History. – 2026. – Т. 155, № 2. – С. 179–201.
8. Левкин, М. С. О некоторых особенностях отечественной историографии жилищной политики в период «великого десятилетия» Н. С. Хрущева // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6. – С. 138–143.

9. Лушин, А. И. Жилищная политика КПСС середины 1950-х – начала 1960-х годов в оценке советской научной общественности / А. И. Лушин, М. С. Левкин // Исторический поиск / Historical Search. – 2025. – Т. 6, № 4. – С. 29–41.

10. Насонов, К. А. «Ни одна страна не возводила столько жилья, сколько мы». Деятельность Советского государства по жилищному обеспечению военнослужащих и членов их семей (1945–1964 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2026. – № 5. – С. 75–86.

11. Пилипенко, И. В. Подход к выделению этапов жилищного строительства в РСФСР / Российской Федерации в 1920–2020-х годах (Часть II) // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 1 (171). – С. 156–167.

12. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1986. – Т. 9: 1956–1960. – С. 193–208.

13. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС 31 октября 1961 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1986. – Т. 10: 1961–1965. – С. 81–185.

14. Романова, В. Б. Мероприятия советской власти по созданию социальной инфраструктуры предприятий авиационной промышленности в 1950–1960-е гг. / В. Б. Романова, Н. Н. Кабытова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 99–108.

15. Токмаков, В. С. Жилищное строительство в РСФСР (1946–1991): обзор современных российских диссертаций / В. С. Токмаков, Л. В. Буянова, Е. Н. Маслова // Genesis: исторические исследования. – 2026. – № 1. – С. 23–32.

16. Харитонова, А. Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1965. – № 5. – С. 50–64.

17. Itkin, E. What's in a Queue? Scarce Resources and Notions of Entitlement to Public Housing in Novosibirsk during Khrushchev's Housing Campaign // Urban History. – 2026. – First View. – P. 1–19.

18. Sapunova, M. Living in Soviet Housing Estates: Urban Space, Transformation and Multiple Narratives / M. Sapunova, E. Gladkova, A. Malko, B. Engel // Europe-Asia Studies. – 2025. – Vol. 77, No. 7. – P. 1172–1202.

References

1. Bessonova, O. E. Zhil'e: rynok i razdacha / O. E. Bessonova; otv. red. T. I. Zaslavskaya; Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva SO RAN. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993. – 159 s.

2. Verstina, N. G. Analiz praktiki realizatsii investitsionno-stroitel'nykh proektov v usloviyakh primeneniya prefab-tekhnologii v Rossii i mire / N. G. Verstina, Yu. V. Nikitin // Zhilishchnye strategii. – 2026. – T. 13, № 1. – S. 127–140.

3. Vlasov, S. A. Vnedrenie dostizhenii nauki i tekhniki v stroitel'noe proizvodstvo na Dal'nem Vostoke v 1950–1960-kh gg. // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. – 2025. – T. 48. – S. 169–178.

4. Gorlov, V. N. Moskva pyatietazhnaya kak simvol epokhi ottepeli // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2025. – № 4 (76). – S. 37–51.

5. Gorlov, V. N. Problema vybora etazhnosti zhilykh zdanii pri perekhode k massovomu zhilishchnomu stroitel'stvu v SSSR v 1950-e gody // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. – 2024. – Vyp. 2 (855). – S. 55–62.

6. Gorlov, V. N. Tipovoe proektirovanie v zhilishchnom stroitel'stve Moskvy v 1950–1970-e gody: protivorechiya mezhdu arkhitekturno-gradostroitel'nymi i sotsial'nymi zadachami // Gumanitarnyi vestnik. – 2025. – № 2 (112). – S. 65–76.

7. Kapaeva, A. Sotsial'nye aspekty sovetskoi modernizatsii v Kazakhstane: rol' zhilishchnoi politiki (1920–1980-e gg.) / A. Kapaeva, S. Asanova // Gumilyov Journal of History. – 2026. – T. 155, № 2. – S. 179–201.

8. Levkin, M. S. O nekotorykh osobennostyakh otechestvennoi istoriografii zhilishchnoi politiki v period «velikogo desyatiletiya» N. S. Khrushcheva // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2025. – № 6. – S. 138–143.

9. Lushin, A. I. Zhilishchnaya politika KPSS serediny 1950-kh – nachala 1960-kh godov v otsenke sovetskoi nauchnoi obshchestvennosti / A. I. Lushin, M. S. Levkin // Istoricheskii poisk / Historical Search. – 2025. – T. 6, № 4. – S. 29–41.

10. Nasonov, K. A. «Ni odna strana ne vozvodila stol'ko zhil'ya, skol'ko my». Deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po zhilishchnomu obespecheniyu voennosluzhashchikh i chlenov ikh semei (1945–1964 gg.) // Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2026. – № 5. – S. 75–86.

11. Pilipenko, I. V. Podkhod k vydeleniyu etapov zhilishchnogo stroitel'stva v RSFSR / Rossiiskoi Federatsii v 1920–2020-kh godakh (Chast' II) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2025. – № 1 (171). – S. 156–167.

12. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 31 iyulya 1957 g. № 931 «O razvitii zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR» // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986). – 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1986. – T. 9: 1956–1960. – S. 193–208.

13. Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza: prinyata XXII s"ezdom KPSS 31 oktyabrya 1961 g. // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986). – 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1986. – T. 10: 1961–1965. – S. 81–185.

14. Romanova, V. B. Meropriyatiya sovetskoi vlasti po sozdaniyu sotsial'noi infrastruktury predpriyatii aviatsionnoi promyshlennosti v 1950–1960-e gg. / V. B. Romanova, N. N. Kabytova // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. – 2024. – T. 30, № 4. – S. 99–108.

15. Tokmakov, V. S. Zhilishchnoe stroitel'stvo v RSFSR (1946–1991): obzor sovremennykh rossiiskikh dissertatsii / V. S. Tokmakov, L. V. Buyanova, E. N. Maslova // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2026. – № 1. – S. 23–32.

16. Kharitonova, A. E. Osnovnye etapy zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR // Voprosy istorii. – 1965. – № 5. – S. 50–64.
17. Itkin, E. What's in a Queue? Scarce Resources and Notions of Entitlement to Public Housing in Novosibirsk during Khrushchev's Housing Campaign // Urban History. – 2026. – First View. – P. 1–19.
18. Sapunova, M. Living in Soviet Housing Estates: Urban Space, Transformation and Multiple Narratives / M. Sapunova, E. Gladkova, A. Malko, B. Engel // Europe-Asia Studies. – 2025. – Vol. 77, No. 7. – P. 1172–1202.

Статья поступила в редакцию 25.06.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 09.10.2026.

The article was submitted 25.06.2026; approved after peer review 06.08.2026; accepted for publication 09.10.2026.